

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.Л. Авербах

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ГРОССМЕЙСТЕРА

Автор статьи – известный шахматист, международный гроссмейстер, в пятидесятые годы был одним из претендентов на мировое первенство, позднее тренировал ряд ведущих шахматистов нашей страны, в том числе М. Таля, Т. Петросяна и В. Смыслова, являлся спарринг-партнером М. Ботвинника.

В феврале этого года ему исполнилось 75 лет. Редакция "Психологического журнала" поздравляет Юрия Львовича со славным юбилеем и желает ему здоровья и активного долголетия.

* * *

Общеизвестно, что шахматы сочетают в себе элементы искусства, науки и спорта, каждому они позволяют найти что-то свое: для одних – это состязание, где победа достигается не физической силой, а разумом, для других – пища для ума, предмет изучения, для третьих – средство самовыражения, для четвертых – просто развлечение, отдых. Однако главное, что эта игра, возникнув еще в начале новой эры в Индии, не только распространилась по всему миру, но и превратилась в область культуры, творчества. В шахматной игре ярко проявляются все особенности личности, поэтому ее широко используют в научных исследованиях в педагогике и психологии.

Шахматный поединок, особенно если это матч на первенство мира, является столкновением двух личностей, двух характеров, двух интеллектов. Психология в подобных соревнованиях играет колоссальную роль.

Еще полвека назад мастер Б. Блюменфельд призывал изучать психологию шахмат и сам немало сделал в этой области. За прошедшее время наука в области психологии шахмат несомненно продвинулась вперед – написано с десятков книг, защищен ряд кандидатских и даже докторских диссертаций. Однако наука все еще сильно отстает от практики.

В шахматах есть то, чего нет, как правило, в других видах спорта: за шахматной доской можно увидеть представителей разных поколений – отцов и детей, даже дедов и внуков, ведь карьера шахматиста может длиться очень долго. Это значит, что шахматные состязания в самом откровенном виде отражают то, что в реальной жизни происходит скрыто – столкновение и даже жестокую борьбу разных поколений. Подрастающие поколения постепенно поднимаются вверх, а стареющие, увы, спускаются вниз. Хорошо помню, как сначала я ходил в самых молодых, затем в просто молодых, подающих надежду, большинство моих соперников тогда было намного меня старше. С годами их возраст "сравнился" с моим. Когда же мне стукнуло тридцать, я внезапно обнаружил, что многие соперники уже моложе меня. Потом постепенно перешел в группу старших, и в один прекрасный день понял, что являюсь

самым старым участником, и настала пора выступать в турнирах ветеранов. Наверное, эти не слишком приятные эмоции испытывает любой шахматист, но особенно это чувствуешь в конце своей шахматной карьеры.

В истории шахматных состязаний конфликт поколений, их соперничество играют чрезвычайно важную роль. Борьба поколений создает групповые интересы, когда молодежь объединяется против "стариков" в фигуральном, а иногда и в прямом смысле. В начале 70-х годов я испытал это на себе в полуфиналах чемпионата страны, когда молодые мастера, вместе готовясь, с особым рвением и напором сражались со мной, да и с другими представителями более старших поколений.

Иногда молодежь выдвигает ярко выраженного лидера, который ведет других за собой, становится примером для подражания. Официально таким признанным лидером в тридцатые-сороковые годы был М. Ботвинник, в шестидесятые – М. Таль, в семидесятые – А. Карпов, в восьмидесятые – Г. Каспаров.

Вопрос о разных формах взаимодействия различных поколений в шахматной игре – конфликте, сотрудничестве, противодействии и т.д. необходимо изучать прежде всего именно с психологической точки зрения.

Каждый матч за мировое первенство – это богатейший материал для психологических наблюдений и исследований. Одна из основных особенностей шахматного единоборства состоит в стремлении навязать противнику такую игру, в которой твои способности и талант проявятся в большей мере, чем способности и талант соперника. Но самое трудное в том, что и ваш оппонент будет стремиться к тому же самому.

Хорошо известно, что сейчас участники поединков за корону чемпиона привлекают в свои команды психологов, психотерапевтов и даже экстрасенсов. Для чего это делается, ведь роль таких помощников, как правило, всегда бывает окутана тайной? Правда, один из них, пожалуй, наиболее известный, профессор Р. Загайнов, опубликовал две книги, в которых поделился опытом своей работы с А. Карповым и Н. Иоселиани. Из его сочинений можно понять, что он выполнял в основном психотерапевтическую роль, стремился снимать возникшую усталость, появляющуюся головную боль, помогал наладить сон, а также пытался настраивать своих подопечных на важную партию. Как он сам рассказывает, его главной задачей было улучшать психическое состояние шахматиста. Однако в обоих случаях все его старания оказались тщетными: и Карпов, и Иоселиани матчи проиграли.

В первом матче с Карповым (1984–85 гг.) при счете 0 : 4, а затем и 0 : 5, Каспарову требовалась помощь психолога или экстрасенса, чтобы не потерять уверенности в себя, в свои силы. Как он сам пишет, такая помощь была очень полезна, и он ей пользовался.

А можно ли оказывать психологическое воздействие на противника? В Багио, в 1978 году, во время матча с Карповым, В. Корчной требовал, чтобы входивший в команду его противника доктор В. Зухарь не сидел в зале ближе десятого ряда, утверждая, что тот действует ему на нервы. Зная мнительность и подозрительность претендента, можно не сомневаться: это было действительно так, хотя представители чемпиона мира доказывали, что задача Зухаря – положительно воздействовать на своего подопечного. Впрочем, в следующих матчах Карпов Зухаря уже не приглашал.

Помню, как в 1972 году, перед матчем Б. Спасского с Р. Фишером, ко мне приходили два "ученых мужа", которые изучали воздействие ультразвука на состояние людей. Они установили, что при подобном воздействии человек очень быстро устает, значительно быстрее, чем обычно. Я отклонил их предложение заняться разработкой подобного "тайного" оружия, полагая, что оно за пределами правил шахмат, до сих пор считающейся игрой благородной.

Так возможно или невозможно психологическое воздействие на противника?

Мне, например, неоднократно приходилось слышать о подобном воздействии, однако на самом примитивном уровне. Я знал мастеров, кто, поставив в цейтноте ловушку,

старался резким движением, быстрым взглядом на часы, отвлечь внимание противника, чтобы помешать ему разгадать коварный замысел.

Случаев применения сходных приемов "на грани фола" немало. Приведу несколько из наиболее известных.

Так, в полуфинале первенства СССР (Свердловск, 1947) мастер Л. Шамаев, в цейтноте поставив своему противнику (тогда еще неопытному молодому Е. Геллеру) ловушку, вдруг схватился за живот и стремительно выбежал из турнирного зала. Ефим Петрович, не подумав, быстро сделал ответный, естественный, но ошибочный ход. И тогда в зале немедленно появился улыбающийся Шамаев. Он, оказывается, стоял за дверью. Ловушка удалась!

Настоящая психологическая дуэль разгорелась в одной из партий Фишера с Талем (турнир претендентов, Белград, 1959 г.). В трудной для рижанина позиции, записав на бланке сильнейший ход, американец намеренно показал его своему противнику, чтобы выяснить реакцию последнего. Конечно, это был детский поступок, но ведь Фишеру тогда было только шестнадцать лет. Таль же отреагировал мужественно – встал и спокойно отправился прогуляться по сцене. Это спокойствие смутило Фишера. Подумав, он зачеркнул тот сильный ход и сделал другой, не самый лучший, что позволило Талю не только спасти партию, но и выиграть её.

Уж, кажется, серьезный М. Ботвинник был не способен на подобные "трюки". Ан нет! В своей книге "Аналитические и критические работы (1957–1970)" он рассказал, как в двадцатой партии матча-реванша с Талем (Москва, 1961) при домашнем анализе отложенной позиции он нашел хитрую ловушку, которая позволяла ему свести трудную партию к ничьей. Отправляясь на доигрывание, чтобы усыпить бдительность рижанина, Ботвинник разыграл небольшой спектакль – не взял с собой термос с кофе, что обычно делал в каждой партии. Таким путем он хотел показать противнику, что не нашел шансов на спасение и что доигрывание продлится недолго. Правда, Таль потом писал, что он, в свою очередь, не увидел в отложенной позиции пути к победе. Видимо, его и не было. Поэтому, заняв свое место за столиком, Таль даже не обратил внимание на то, что термос отсутствует. Встреча завершилась ничьей...

Не будет преувеличением сказать, что психологические приемы имеются в арсенале почти каждого шахматиста. Например, А. Алехин, что-нибудь пожертвовав, оказывал психологическое воздействие на противника, кружась как коршун вокруг стола, за которым тот сидел.

Нечто подобное, может быть бессознательно, делал и Таль. Не знаю как с другими, но когда с ним играл я, как только он начинал вертеться вокруг нашего стола, его нервозность немедленно мне передавалась, отвлекала и мешала сосредоточиться.

В самом деле, есть шахматисты, которые в процессе игры намеренно стараются вывести соперника из состояния душевного равновесия.

Хороший урок я получил еще в детстве. Играя с опытным перворазрядником, человеком зрелым, я, сделав сильный ход, не мог сдерживать эмоции и торжествуя посмотрел на своего противника. Тот немедленно записал карандашом на своем бланке ответный ход. Вытянув шею я взглянул на его запись. Так и есть! Записан был ход, который вел к проигрышу. В душе я уже торжествовал победу, когда вдруг он вынул из кармана резинку и стер запись. Я не мог скрыть своего разочарования. Через пару минут он снова взял карандаш и записал другой ход, тоже не лучший. Меня снова охватили радостные чувства. И в этот момент, не записывая, он сделал самый сильный ход! Представьте мое состояние! Однако нет худа без добра! Тогда же я понял, что партнер хочет сыграть на моих эмоциях, и перестал заглядывать в его запись...

Поведение шахматиста во время игры дает отличный материал для психологических наблюдений. Есть гроссмейстеры, по лицу которых можно сразу сказать, каковы их дела на шахматной доске, но большинство хорошо умеет скрывать свои переживания, сохраняя несколько отрешенный, внешне невозмутимый вид. Но глаз опытного психолога всегда увидит то, что скрыто для непосвященных. Например,

Ботвинник обычно сидел за доской, как сфинкс, лишь холодно поблескивали стекла его очков. Но мы знали: если Ботвинник начинает поправлять очки или подтягивать галстук — это верный признак того, что ему не нравится его позиция. А у сдержанного, славившегося своим поистине олимпийским спокойствием П. Кереса в трудных ситуациях краснели мочки ушей.

Совершим экскурс в далекую историю. Известно, что когда Юлий Цезарь отбирал воинов в свои победоносные легионы, в первую очередь он выяснял, как они проявляют себя в смертоносной схватке, в пылу битвы — краснеют или бледнеют. И предпочитал тех, кто краснеет: его военный опыт говорил, что они лучше ведут себя на поле боя. Этому феномену есть весьма простое медицинское объяснение: если лицо краснеет, значит к нему приливает кровь, расширяются сосуды и улучшается кровообращение, если бледнеет, сосуды сужаются, кровообращение ухудшается, человек становится скованным и не может в полной мере проявить свои силы. Нечто подобное можно увидеть и в борьбе за шахматной доской — одни, играя ответственную партию, краснеют, другие бледнеют.

Будучи несколько лет тренером Т. Петросяна, я обратил внимание, что когда он начинал нервничать, то злился и заметно бледнел. И, видимо, не случайно он неудачно играл с теми, на кого был зол. Этот его недостаток заметил Корчной и в ряде матчей, которые они вели между собой, по-моему, намеренно старался разозлить Петросяна, что ему удавалось. Показателен, например, полуфинальный их поединок на первенство мира (Одесса, 1973 г.). Он начался с конфликта, инспирированного Корчным в первой партии, который несомненно вывел Петросяна из себя, и встречу эту он проиграл. А закончился матч при счете 4 : 1 в пользу Корчного тем, что Петросян оказался в больнице и был вынужден сдать матч: у него начались почечные колики, причиной которых вполне могло явиться сужение сосудов.

В борьбе за шахматной доской, особенно на самом высшем уровне, в матчах за высший чемпионский титул, понимание психологии соперника чрезвычайно важно.

Конечно, каждый чемпион — это яркая личность, со своим характером, темпераментом, интеллектом. Тем не менее у них есть и общие психологические черты. Исходя из своего многолетнего опыта, я делю всех больших шахматистов на шесть групп.

Первая — киллеры (убийцы). Это те, кто, говоря языком бокса, стремится сокрушить, "нокаутировать" своего партнера. Нередко представители этой группы — дети из трудных семей, как правило, выросшие без отца, у которых было нелегкое детство.

Вторая — файтеры (бойцы). Обстановка схватки заставляет их мобилизовать все силы. Они стремятся победить, но им совсем не обязательно подавить соперника, "нокаутировать" его.

Третья — спортсмены. Для них шахматы — вид спорта, такой же, например, как теннис. Это люди соревновательного типа. Однако, когда партия закончится, они становятся совершенно нормальными людьми, с разнообразными интересами в жизни.

Четвертая — гамблеры (игроки). Это, как правило, люди азартные, увлекающиеся и другими играми: картами, нардами. Они суеверны, верят в судьбу, счастье. Свои неудачи почти всегда объясняют невезением.

Пятая — "артисты", "художники". Для них важно не только выиграть, но победить красиво, создав "художественное произведение".

И, наконец, *шестая* — исследователи, для которых шахматы — пища для ума. Представители этой группы обычно являются теоретиками. Они стремятся познать шахматы, постичь их тайны. Для них шахматы — предмет научного исследования.

Сразу же заметим, что представители четырех первых групп обладают более сильной мотивацией, несравненно более сильным стремлением добиться победы, чем двух последних. И неудивительно, что чемпионами мира становились только представители первых групп.

У читателя, естественно, возникает вопрос, кто из ведущих гроссмейстеров и чемпионов мира к какой группе принадлежит? Конечно, моя оценка будет субъективной.

Весьма вероятно, что можно разработать специальные психологические тесты, чтобы точнее определять представителей каждой группы.

Тем не менее к первой группе я отнес бы В. Стейница, А. Алехина, М. Ботвинника, В. Корчного, Р. Фишера.

Во вторую группу, по моему мнению, входят: Эм. Ласкер, Д. Бронштейн, С. Решевский, М. Таль. К ней я бы отнес и Г. Каспарова.

Классическим типом игрока, причем высочайшего класса, является А. Карпов. К этой же группе принадлежат Д. Яновский, М. Найдорф, Е. Геллер, Т. Петросян.

В группу спортсменов я бы включил Х.Р. Капабланку, М. Эйве, П. Кереса, В. Смыслова, Б. Спасского.

К пятой нужно отнести В. Симагина, Р. Рети и Н. Россолимо.

И, наконец, шестая группа. Это несомненно А. Рубинштейн, А. Нимцович, Р. Файн. К этой же группе принадлежу и я.

Конечно, деление на эти группы весьма условно, и представители одной группы могут обладать некоторыми чертами других. Так, у Карпова, да и у Каспарова, можно заметить черты киллера, а у Смыслова и Таля – художника. Однако это не главное, что определяет доминанту их поведения за шахматной доской.

И в заключение хочу подчеркнуть, что шахматное единоборство больших мастеров – это прежде всего единоборство спортивное и оно, так же как и в других видах спорта, требует основательной подготовки не только специально теоретической, практической и физической, но и, что очень важно, психологической, ибо в поединках за высшие шахматные титулы борьба идет не только и не столько на шахматной доске. На самом деле это, как я уже отмечал, столкновение личностей, характеров, интеллектов, в котором приобретают значение и начинают играть роль самые, казалось бы, незначительные психологические нюансы.